

В Тбилиси у здания Телецентра лежат мешки с песком, старые автомобильные покрышки - баррикады. На проспекте Руставели у Дома правительства стоят палатки с голодающими, развешены многочисленные плакаты. Возбужденная, раскаленная толпа. И плавно, скользяще от нее отделяется стройная фигурка с разноцветными шариками в руках и нарисованной улыбкой на лице - в городе проходит всемирный фестиваль жонглеров - этому кадру мог бы позавидовать автор "Блоу-ап".

О чем сегодня можно говорить в Тбилиси: о "вороненом зрачке конвоя", чрезвычайном положении или... о поэзии?

О поэзии.

Мы сидим с Ираклием Абашидзе в маленьком подвальчике, где пахнет шашлычками, зеленью и вином. И каждый столик посылает своего представителя произнести тост и выпить за здоровье Поэта. Это наугад выбранный подвальчик и случайные люди, просто в Грузии нет человека, который бы не знал Ираклия Абашидзе и не знал бы с детства его стихи. А мы их читаем в переводах Пастернака, Тарковского, Ахматовой, Евтушенко, Межирова. В одном, много итожащем стихотворении, сказано:

Так что тебе понравилось сильнее -
Миг или вечность, вечность или миг?
И это первый вопрос Ираклию Абашидзе.

ВЕЧНОСТЬ

Сейчас, перешагнув порог восьмидесятилетия, я ясно понимаю: главное - Поэзия. Поэзия, которая занимается сама собой, и поэт, который пытается выразить самого себя. Я никогда не пытался бороться с властью, я вел борьбу серьезнее и тяжелее - с самим собой, со словом. Тираны приходили и уходили, а мои кумиры, мои счастливые соперники в поэзии оставались и останутся.

Вы знали Маяковского и Есенина, дружили с Пастернаком, Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Твардовским, Симоновым, но главным в вашей жизни всегда оставался великий Руставели, ему посвящены самые знаменитые стихи, исследования, открытия.

И мне всегда хотелось доказать, что трагедия и гений Руставели - трагедия и гений любви. Не философски отвлеченной, но земной любви и страсти к реальной женщине - царице Тамар. Поэзия, по сути, лишена выдумки, все сказанное в ней не миф, но реальная биография души. Я пытался рассказать эту душу.

У меня всегда было сильнейшее стремление, необходимость сказать современному читателю, что Грузия - прежде всего родина Руставели, то есть родина гуманной и человеческой идеи, что Руставели - истинное воплощение характера и души грузинского народа. И около тридцати лет назад я начал искать следы Руставели в себе и вокруг себя.

О Грузии XII века, к которой я обратился, точно сказано у Николая Тихонова: в эту эпоху иранская литература встречалась с северной, европейской, Лейли с Изольдой, Бугда с легендой об Агасфере. Грузия была родиной встречи двух культурных потоков, стремившихся друг к другу, и героем этой встречи, человеком удивительного песенного дара, ума и страсти стал Руставели.

Как вы представляете себе Руставели - реального человека, ведь в циклах "По следам Руставели" - "Палестина, Палестина!" вы пишете не только о нем, но и о его имени!

Его жизненный путь почти не оставил следов. Предполагают, что он получил образование в одной из грузинских академий, а затем продолжал заниматься в Греции, где учились в то время многие грузины. Он в совершенстве, как это ясно из его поэмы, владел греческим, арабским и персидским языками, хорошо знал античную философию. Достоверно, что он был министром финансов при дворе царицы Тамар. В этой должности он вел переговоры с египетским султаном Саладином о выкупе монастыря св. Креста в Иерусалиме, затем руководил его восстановлением. Народные предания говорят, что Руставели был изгнан из Грузии и окончил свои дни в том же монастыре св. Креста. Последнее же более или менее достоверно, так как Руставели изображен уже в преклонном возрасте на одной из колонн обители. Портрет поэта, о котором писал грузинский общественный деятель Габашвили, посетивший в середине восемнадцатого века монастырь св. Креста, был затем утерян.

Но осенью шестидесятого года он был вновь обнаружен, и именно нам принадлежит это открытие.

О, это поразительная история. Я приехал в Иерусалим в составе научной экспедиции, чьи приключения относились к событиям восьмисотлетней давности, но мы сразу оказались в центре современных политических игр. Мы обнаружили колону, на которой должен был быть портрет Руставели, но там все было варварски замазано синей и черной краской, необходимо было ее снять, а разрешение мог дать только греческий патриарх. Он назначил нам встречу в консульстве и на все просьбы отвечал отказом. Частичные археологические раскопки? Нет и нет, я не дам на это согласия. Палестинская, иерусалимская земля - святая земля. Очистка стен Крестного монастыря? Нет, ни в коем случае. Ознакомление с древними грузинскими рукописями, которые, как говорите, хранятся в Иордании в моей патриаршей библиотеке? На это не даст разрешения иорданский король. Если желаете, поезжайте в Иорданию, там будет видно...

Но в конце концов, как известно, все кончилось благополучно, и мы увидели лицо гениального поэта, еще раз убедившись, что всякая легенда - реальность. На портрете изображен человек, чьи помыслы чисты и лишены честолюбия, он ведет прямой разговор с Богом и "взвешивает небо". Но мне нравится думать и о том, что он прожил бурную жизнь, знал большую любовь и вынашивал крупные планы.

Только что "Витязь в тигровой шкуре" вышел в свет на эстонском языке.

Прекрасное и очень важное сегодня событие. У Руставели сказано: "Возвышает человека лишь любовь". Все мы переживаем трудное время, и нелишне напомнить всем людям эту строку поэта. Согласно Руставели, мир сотворен Богом не для того, чтобы сделать его обителью зла. Земля, украшенная несравненной и многоцветной красотой, создана для людей, ибо человек сам причастен к божеству, он сам его частица, его порождение, без него немислнмы единство и гармония мира. Любовь уже в земном мире способна приобщить человека к высшей гармонии и тем самым приблизить к божественному. Разум же дан человеку, чтобы тот познал сотворенный для него мир и сделал свое познание орудием достижения высшей цели. Для истинного мудреца не существует разделения неба и земли, пропастей, он знает, что не мир, а эта пропасть иллюзорна. Кажущееся сущим зло порождено лишь невежеством и преодолевается активным познанием, которое не должно оставлять "мудростью в себе", а должно быть целиком направлено к утверждению добра, к высшей цели приобщения к Богу, высшему строю и гармонии. Человеку предназначена жизнь, творить и действовать, а не пребывать в плену зла...

Ираклий Виссарионович, я знаю, что сейчас вы пишете большую книгу воспоминаний. И там в центре будет поэзия?

Однажды Бориса Пастернака спросили, что есть поэзия? Он

Литературная страница

Наш собеседник - классик грузинской литературы Ираклий АБАШИДЗЕ

или МИГ?

сорвал травинку, протянул ее собеседнику и ответил: вот поэзия. То есть поэзия есть во всем, все поддается поэтическому осмыслению. И моя жизнь, в которой было много замечательных людей, поэтов, друзей. Люди остаются в нашей памяти какими-то эпизодами, штрихами, деталями, осколками, из которых складывается мозаика. Несколько таких осколков, если хотите, я могу показать вам.

Вот, например, одна из самых запомнившихся встреч с Николаем Тихоновым. Он приехал в Тбилиси сразу после войны, измученный блокадой, осунувшийся, но решил сразу же взойти на Зегзени, которая всегда манила его высотой и на вершине которой он не раз бывал прежде. Восхождение было явно не по силам ему, мы попытались оплощить похор, но он и слушать не стал. Мы начали свой путь по лесной дороге. В руках Николай Тихонов держал длинную кизилевую палку с загнутым верхним концом. Когда я спросил, где он раздобыл этот прекрасный посох, он только загадочно улыбнулся и поднял свои густые брови. Идти ему было тяжело, но он был упорен. Из куста выпорхнула черная птица и тут же скрылась в ветвях дикой груши. Николай Семенович замедлил шаг, что-то вспомнил и стал рассказывать:

Ранней весной в Ленинград приехали грачи. Эта вроде бы простая, привычная вещь молниеносно разнеслась по всему осажденному городу. Вы не можете вообразить себе радость, которую тогда испытывали ленинградцы. Появление грачей - приход весны - всегда радость. Но та радость была совсем иной: значит, жизнь продолжается, значит, никто не в силах остановить привычное круговращение жизни! Значит, добро вновь победит зло. Первыми встретили стаю грачей войны, окопавшиеся у линии фронта. Встретили с восторгом: весна! И тут со стороны врага раздалась автоматная очередь. Другая, третья... И маленькие вестники весны, трельхавшись, стали падать на землю. Один упал в наш окоп. Сегод солдат поднял крошечное тельце, погладил ладонью бархатистую спинку убитой птицы, потом вынул лунку и захоронил ее в ленинградской земле...

Я молчал, переживая рассказ. Николай Тихонов ускорил шаг. В походке его, как и в голове, была уверенность, воля, основательность. Я бы еще сказал - доверчивость к земле, по которой он шал. Все это жило и в пловчестве Тихонова. Человек и поэт в нем были в неразрывном единстве.

Очень остро я помню и самую первую грузинскую встречу с Александром Твардовским. Это было в сороковом году... Сначала мне показалось, что меня кто-то разыгрывает. Но голос в трубке без всякого акцента на чистом русском языке повторил: "Я Александр Твардовский. Хотел бы к вам погостить, познакомиться." "Где вы находитесь?" - спросил я, хоть в душе и продолжал убеждать себя, не поддаваться на розыгрыш: откуда тут взялся Твардовскому! - должно быть, кто-то из приятелей, пусть придумают... Я послал машину к гостинице "Тбилиси". Стоял август. К концу рабочего дня в моем кабинете, в Союзе писателей Грузии, которых тогда я, совсем молодой человек, руководил, собрались грузинские писатели - Симон Чиковани, Александр Кутателадзе, Карло Каладзе и Ило Мосахвили. Мы собирались выехать куда-нибудь из города, чтобы спастись от непереносимого зноя. И вдруг Александр Твардовский! Не с неба же он свалился... Если это и впрямь он, почему не сообщил заранее о своем приезде?

Машина вернулась. И в комнату действительно вошел Твардовский. Я видел его и прежде - на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Поздоровавшись со всеми, он сказал:

Мне нужен Ираклий Абашидзе.

Это я, Александр Трифонович.

Вы?! Это невозможно! Я представлял вас длиннорылым старцем, - у него заблестели глаза, и он сразу же почувствовал себя свободно, по-домашнему.

Длинный, как видите, я сам, но борода пока не ношу, - ответил я, и мы обнялись, как давние друзья. Я сказал, что мы собирались поехать за город и спросил, куда бы хотелось поехать Александру Трифоновичу.

В горы, конечно же, в горы. Куда же еще можно мечтать поехать в Грузию!

Верно, - согласился мы. Горы здесь же: Коджори, Самагло. И даже не став расспрашивать, каким ветром занесло его к нам, в Грузию, расселись по машинам и поехали к горам.

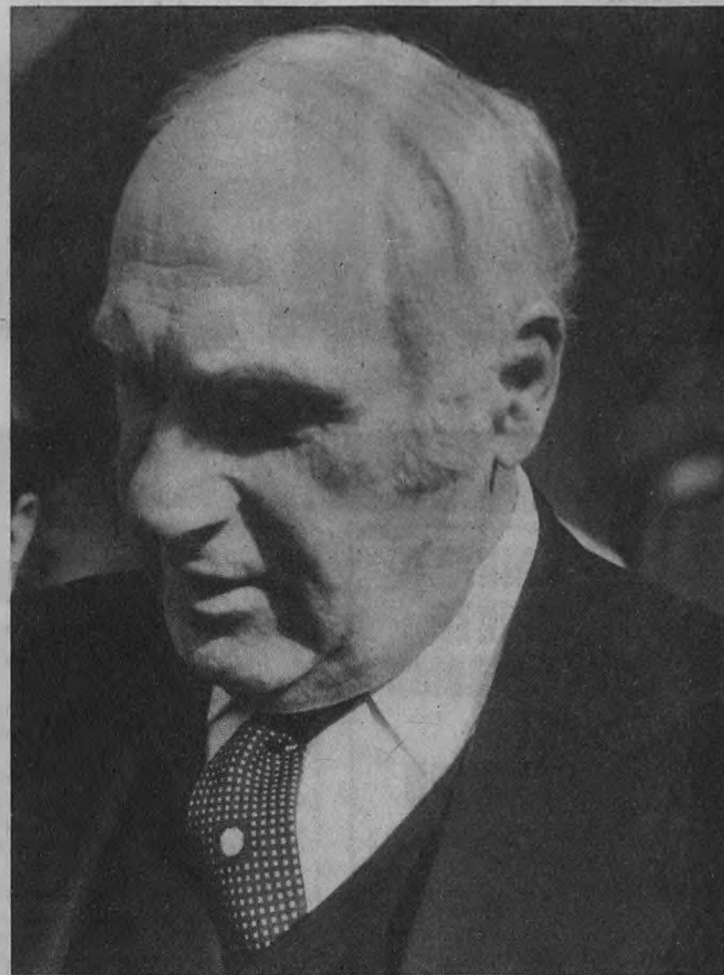
Через какие-нибудь полчаса миновали Коджори и на высоте 1100 метров над уровнем моря остановились в духане "Самагло". Мы решили не заходить в помещение и попросили накрыть стол под сенью большого дерева. Была чудесная прохлада, у нас было чудесное настроение, и, помню, как сразу в лад зазвучали мой с Александром Трифоновичем голоса. "На закате ходит парень возле дома моего..." - негромко напевали мы.

Сколько раз так негромко и слаженно напевали мы с ним "На закате..." или "Прощай, любимый город" потом, во время незабываемых наших встреч в московских гостиницах и на нашей земле, в Риме и Неаполе, где мы с ним в течение многих лет участвовали в работе Европейского объединения писателей. На протяжении трех десятков лет дружно пели мы с ним.

Но тогда мы, поэты, сидели под деревом в Самагло. И попросили Твардовского прочесть отрывок из "Страны Муравьев". И он не стал отказываться, читал задушевно и увлеченно. А потом захотел услышать, как звучат стихи по-грузински.

А дальше произошло то, что нередко случается в горах Грузии. Сперва у горизонта появилась небольшая, с кулак, тучка, потом она стала расти, расти, заглупила весь небосклон, и уже через полчаса посыпал такой дождь, словно природа два дня только к нему и готовилась. Зеленые поляны исчезли под белым покрывалом.

Мы сейчас же укрылись в здании духана. Но внезапно с близлежащих горных пастбищ вниз сбегала стая овец и тоже стала искать спасения вокруг духана. Никакими силами не смогли мы

удержать в помещении Александра Твардовского - он выбежал во двор и под проливным дождем, под огнем огромных, величиной с кулак градин ворвался в гуцу сгрудившихся овец, стал обнимать их, громко хохотал, бегал среди белой отары, как маленький ребенок. Он хватал на руки по одного, то другого ягненка, он уже промок до ниточки, но ни на что не обращал внимания, восклицая: "Как прекрасно, Боже, как прекрасно!"

Я все это помню как сейчас, и Твардовский всегда помнил горячее тбилиское лето сорокового года, крупный град, белых, как град, овец, сгрудившихся под ливнем высоко в горах Самагло, и то яркое ощущение счастья, которое не так уж часто выпадает нам в жизни.

...А думая о Паоло Яшвили, я чаще всего вспоминаю нашу с ним последнюю встречу. Мы вместе шли на собрание в Союз писателей, зная, что один из нас может стать очередной жертвой репрессий. И Паоло сказал:

Еще успею в последний раз пройти по Руставели. Я подумал: последний раз перед собранием. Но Паоло имел в виду совсем другое.

Он взял с собой на собрание любимое старое охотничье ружье, в перерыве вышел из зала, и мы услышали грохот выстрела...

"Слишком уж ты шумишь, сынок" - часто повторял отец поэта, умудренный жизнью и горьким опытом. И Паоло действительно много шумел, всегда был в гуще событий. Для поэзии ему мало было одних стихов, ему нужна была вся жизнь, все ее пространство, чтобы заполнить его своим поэтическим даром. Он был человеком редчайшего обаяния, влюблял в себя всех, кто с ним соприкасался. И еще - он искренне верил в светлое будущее нашей страны...

А вы? Вы не верили в светлое будущее?

Конечно, верил. Верил вслед за Есениным, Маяковским, перед которым преклонялся, верил вместе с Пастернаком, с которым дружил с юности... Подумайте, Гомер восславил Ахилла только после победы, а мы не дожидались победы, мы продвигали ее своими стихами, мы были искренни в своей вере.

Если бы все начать сначала - вы бы повторили свой путь?

Нет. Я бы отбросил к черту все социальные проблемы, и не искал бы у гениев примеров их разрешения. Не этому надо было учиться у великих. Не нужно было стараться быть гражданином, как учил Некрасов, а порою и Блок, Брюсов, как требовал Маяковский. Нужно было быть только поэтом. Возможно, у меня было бы лишь двадцать-тридцать читателей, возможно, жизнь моя сложилась бы несчастнее, горше, труднее, но, во всяком случае, мне не о чем было бы жалеть.

Как вы относитесь к сегодняшнему дню?

Знаю на него. Чувствую, что навигируется эра торговли и спекуляции, которой не нужна поэзия. Но поэзия не должна умереть, ибо человек состоит не только из зверя, но и из души!

У вас и сегодня множество читателей.

Лирику обычно называют исповедью. Но если признать за читателем стихов права исповедника, то следует помнить, что перед церковным исповедником у него имеется по крайней мере одно очевидное преимущество: читатель, к своему счастью, избавлен от обязанностей церковника, он вовсе не погрязает в извращениях до конца наши душевные излияния и может в любую минуту заткнуть себе уши. А уж коль скоро это случилось... Нет, по-моему, ничего более жалкого и никчемного, чем лирические признания, звучащие в пустоте.

Что вы думаете о молодой поэзии?

...Лет пятнадцать назад мне довелось побывать в Брюсселе на биеннале авангардистов. Дрался там авангардисты между собой страшно - манифест на манифест. О Халдоре Лакснесе говорили с недоумением: что, мол, это за анахронизм? Для них даже Сартр был совершенно устаревшим.

Мне нужно было выступать. Я подумал: кто станет меня слушать, если я заговорю здесь о Пушкине или даже о Бодлере? Но я не мог говорить иное и, выйдя на трибуну, стал защищать перед этими буньями классику. В разгар моей речи я с удивлением и даже не без страха почувствовал, что зал меня слушает. Окончив выступление, я спросил у кого-то из брюссельцев:

Почему они так тихо сидели? Ведь я же говорил старые истины!

Он ответил:

Да они сами от себя устали.

Я знаю, что поэзию обновляют молодые. Я отлично помню, как мы сами в 20-е годы, в начале 30-х, сбрасывая многих с корабля современности, дрались манифестами. Я и сейчас думаю, что если обновится поэзия, то молодыми силами. Наше поколение сделало свое дело. Поэзия, литература, искусство - дело молодых. "Стихи и юность" - их разделить нельзя, их одним чеканом чеканили. Я и мои сверстники, утешая себя сейчас, порою добавляем: молодых духом, творчески молодых. Да, это так. И тем не менее бывает, глянешь из президиума, где сидишь с мэтрами, в зал, вспомнишь слова Маяковского "Иду - красивый, двадцатидвуухлетний" и подумает: красивый здесь и сейчас много, но где двадцатидвуухлетний? Я говорю обо всем этом без сожаления. Мне удалось что-то сделать, удалось записать то, что открылось в момент озарения. Пусть молодые меняют и ломают. Умудренный опытом человек знает - движение в поэзии идет от одиссеи событий к одиссее размышлений...

И еще, очень серьезно: в наш грозный век литература, искусство напоминают Венецию, которой грозит гибель и которая нуждается в спасении.

Отношение к слову - главное для человека моей профессии. Обретя Слово, человек стал человеком. Потеряв Слово, народ перестает быть народом...

Вела беседу Е.СКУЛЬСКАЯ.

Ираклий АБАШИДЗЕ

Всю гроздь в строку не выжми до конца,
Чтоб мысль не ожала,
открой лишь нужный клапан.
Крикливый стих не жарче мертвеца:
тебе болтать,
ему дышать на ладан.
Когда и впрямь
твой вопиющий глас
сквозь божье сито пронесен судьбою,
то бог тебе поможет там как раз,
где - край строки, написанный тобою.
Чрезмерных слов не говори в строке,
но пусть за ней -
просторы непочаты,
чтоб кто-нибудь,
держа свечу в руке,
нашел в себе
все то, о чем смолчал ты.

Перевод Ю.Ряшенцева.

НУ И ЗИМА!

Уже давно не говорю теперь:
"Ну и зима!"
Скорее бы кончалась..." -
когда срывает вьюга с петьель дверь
и пого льдом хрипит земля,
отчаясь.
Уже давно теперь не говорю:
"Ну что за лето!"
Кончилось бы, что ли!" -
когда в аду жары по январю
отчаянно тоскую поневоле.
И нечто вроде позднего совета
нашептывает грустно жизнь сама:
"Пусть летом зной, -
лишь бы подольше лето,
пусть снег зимой, -
лишь бы длинней зима".

Перевод Е.Евтушенко.

Ты увидел? Заметил? Вгляделся?
В мире - прятанье, поиск, игра:
улететь вальс с резвостью детства,
пританяться, восклицать:
"Пора!"
Обыскав ледники и теплицы,
перестав притворяться зимой,
март зывает:
"Откажись, Тбилиси!
Ты - мой баловень, неженка мой".
Кутерьма агресатов и почты:
блеск заигра грустит по лицу,
рыщет дереву:
где его почки?
Не они ли утаили листы?
Ищет саж - пребывания втайне,
ищет ливень -
пролиться кура,
что скрывает Куры бормотанье,
что терять и ищет Кура?
Наконец все находят друг друга,
всех загадок разгадка ясна,
и внутри драгоценного круга
обретает Тбилиси весна.

Перевод Б.Ахмадулиной.

Из цикла "По следам Руставели"

Ласточки

Разве я и в том повинен,
что в загадочной стране
сны сказочных диких
не открыл тайны мне?
Был, как видно,
слишком краток
нашего свидания миг.
Только понял я пернатых,
наших ласточек, язык.
И не чудо ль это, право,
после стольких верст
опять
мешка, скажем, или пшавы
У Джелам повстречать?
Уловить опять,
как Слово
понимающе поет
там,
где мне приснился снова
наших ласточек полет.
Где все те же,
те же, те же,
на лету крылья взлетя,
режа красными бережьем,
наши ласточки летят?
Я не слышал, как гудела
туча мощная, как вол,
грохот горного обвала
до сознания не дошел,
истины
в его раскатах,
как ни бился,
не постиг.
Только понял я пернатых,
наших ласточек, язык.
Кто вы?

Сваны плоть от плоти
или мешки во плоти,
наши ласточки в полете,
наши ласточки в пути?
От пустыни к Междуречью
я летел сквозь мрак и свет
нашим ласточкам навстречу,
нашим ласточкам вослед.

Перевод А.Межирова.